

Маликов С.В., Чучаев А.И. Историческая школа права: отражение идей в русском уголовном праве (статья первая) // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 128-158. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_128

УДК 343.01

DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_128

Историческая школа права: отражение идей в русском уголовном праве (статья первая)

Сергей Владимирович Маликов

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Александр Иванович Чучаев

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: moksha1@rambler.ru

*Поступила в редакцию 30.01.2025, поступила после рецензирования 28.02.2025,
принята к публикации 14.03.2025*

Актуальность проблемы обусловлена рядом обстоятельств, практически не исследовавшихся в современной науке уголовного права, в том числе теоретической и практической потребностью уточнить круг направлений, сложившихся в уголовно-правовой доктрине; выделить в качестве самостоятельной историческую школу уголовного права в России, основанную на теории, разработанной Савиньи и другими учеными Запада; вычленив внутри школы три модификации (историко-догматическую, историко-философскую и историко-сравнительную); определить представителей указанных направлений и охарактеризовать их воззрения на возникновение и развитие права и в частности уголовного права; выявить влияние взглядов представителей исторической школы уголовного права на российское законодательство (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовное уложение 1903 г.).

В первой, по своей сути пропедевтической, статье из цикла публикаций, посвященных влиянию исторической школы права на доктрину русского уголовного права XIX в., дается характеристика указанной школы, представлены взгляды ее сторонников и противников в аспектах и объеме, необходимых для исследования указанного направления русской уголовно-правовой доктрины.

Статьи, посвященные одному из основателей исторической школы русского уголовного права И.Е. Нейману, в которых раскрыты его уголовно-правовые воззрения, приведены краткие биографические данные и характеристика научного наследия

© Маликов С.В., Чучаев А.И., 2025

его учеников в Императорском Казанском университете Н.М. Алехина, Е.П. Манасина и Е.В. Врангеля, а также учеников в Дерптском университете А.М.Ф. фон Рейца, А.П. фон Унгерн-Штернберга и Ф.А. Бунге, опубликованы в журнале «Государство и право» (2025. № 1–2).

Общая цель исследования: выявить влияние исторической школы права на уголовно-правовые идеи русских криминалистов XIX в. и показать, как эти идеи отразились в российском законодательстве, в частности в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовном уложении 1903 г.; *цель данной статьи* – раскрыть сущность исторической школы права, ставшей концептуальной основой русской уголовно-правовой доктрины XIX в.

Теоретико-методологической основой исследования выступает диалектический материализм, а также логический и историко-догматический методы познания.

Краткое содержание работы. В настоящей статье показан генезис исторической школы права, причины и повод ее возникновения (так называемый кодификационный спор), дается характеристика воззрений наиболее ярких ее представителей Густава Гуго, Фридриха Карла фон Савиньи и Георга Фридриха Пухты, основанных на признании источником права «духа народа», рассматривается их критика позиции А.Ф.Ю. Тибо; приведены оценки роли исторической школы права, данные Р. фон Иерингом, О. фон Гирке и другими видными учеными. Раскрывается отношение к ней представителей юридической и исторической науки России П.И. Новгородцева, С.А. Муромцева, Н.И. Кареева и И.И. Кёнига и др., ее значение для русского права вообще и русского уголовного права в частности, а также для юридического образования. Представлены взгляды современных юристов (В.В. Эмих) на сущность дискуссии между исторической и философской школами права.

Основные выводы: 1) при характеристике исторической школы права как основы исторического направления русской уголовно-правовой доктрины XIX в. следует исходить из ее ключевого понятия «народный дух», понимаемого как народное правосознание нации, и учитывать важность противопоставления рассматриваемого учения концепции естественного права и его критики умозрительных построений последней; 2) деление общей теории исторической школы на ветви в определенной степени объясняет появление в доктрине русского уголовного права трех относительно самостоятельных направлений правовой мысли: историко-догматического, историко-философского и историко-сравнительного; 3) анализируя уголовно-правовую доктрину, необходимо иметь в виду взгляды Пухты на всеобщую историю права, что позволит выявить различия между его представлениями и воззрениями русских криминалистов – сторонников исторической школы права; 4) исследование историко-философского направления в уголовном праве России следует соотносить с принципиальными отличиями как взглядов самих представителей исторической школы права, так и принципиальных различий между указанной теорией и философской школой права.

Ключевые слова: уголовное право; историческая школа права; концептуальные основы; Савиньи; Пухта; значение исторической школы права; историческая школа в русской литературе; дискуссия между исторической и философской школами права

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

The Historical School of Law: Reflection of Ideas in Russian Criminal Law (Part One)

Sergey V. Malikov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Aleksandr I. Chuchae

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: moksha1@rambler.ru

Received 30.01.2025, revised 28.02.2025, accepted 14.03.2025

Abstract. The urgency of this research arises from several unexamined aspects in modern criminal law, including the theoretical and practical need to clarify the various areas developed within the criminal law doctrine. This article aims to identify an independent historical school of criminal law in Russia, rooted in the theories by Friedrich Carl von Savigny and other Western scholars, and to delineate its three modifications: historical-dogmatic, historical-philosophical, and historical-comparative. It also seeks to identify key representatives of these areas and their perspectives on the emergence and evolution of criminal law, in particular, regarding their influence on legislation, such as the Penal Code of 1845 and the Criminal Code of 1903.

The first part of this research serves as a propaedeutic introduction to series dedicated to exploring the impact of the historical school of law on Russian criminal law doctrine in the 19th century. It describes this school and outlines the views of its proponents and opponents relevant to this trend in the Russian criminal law. The articles published in the journal *State and Law* (2025. № 1 and 2) are dedicated to Ivan E. Neiman, one of the founders of the historical school of Russian criminal law, and his prominent students both at the Imperial Kazan University and at the University of Dorpat.

The general purpose of this study is to elucidate how the historical school of law influenced 19th-century Russian criminologists' ideas and their reflection in legislation, particularly in the Code of Penal and Correctional Punishment of 1845 and the Criminal Code of 1903. The specific aim is to demonstrate how this school formed the conceptual foundation for Russian criminal law doctrine during that period. The theoretical framework for this research is grounded in dialectical materialism, supplemented by logical and historical-dogmatic methods.

This article traces the genesis of the historical school of law, examining its causes – including the so-called *codification dispute* – and describes the views of its most prominent figures: Gustave Hugo, Friedrich Carl von Savigny, and Georg Friedrich Puchta. These scholars recognized “the spirit of the people” as a source of law while critiquing Anton Friedrich Justus Thibaut. The assessments by Rudolf von Ihering, Otto Friedrich von Gierke, and other notable scholars are also presented. Furthermore, it explores how representatives from Russian legal history – such as Pavel I. Novgorodtsev, Sergei A. Muromtsev, and Nikolai A. Kareev – perceived this school's significance for both Russian law generally and criminal law specifically. Contemporary legal scholars' perspectives on the

essence of discussions between historical and philosophical schools are also included (e.g., Valentina V. Emikh).

Main Conclusions: 1) Characterizing the historical school as foundational to Russia's 19th-century criminal law doctrine necessitates focusing on its key concept – *the national spirit* – which reflects national legal consciousness while contrasting it with natural law theories. 2) The division within this general theory into branches helps explain the emergence of three relatively independent areas within Russian criminal law thought: historical-dogmatic, historical-philosophical, and historical-comparative. 3) Analyzing criminal law doctrine requires consideration of Puchta's views on universal legal history to highlight differences between his ideas and those held by Russian criminologists aligned with the historical school. 4) The study of philosophical trends in Russian criminal law should be contextualized within fundamental differences among representatives of the historical school itself as well as between this theory and philosophical schools.

Keywords: criminal law; schools; historical school of law; conceptual foundations; Savigny; Puchta; the importance of historical school of law; historical school in Russian literature; discussion between historical and philosophical schools of law

Acknowledgements: This research was conducted as part of the scientific project “Creating a Russian Historiographic Model of Political and Legal Knowledge and Its Application to Develop Promising Means of Countering Ideological Distortions of Russia's Civilizational Development”. This project received financial support from the Russian Ministry of Education and Science (Agreement No. 075-15-2024-639, dated July 12, 2024).

For citation: Malikov S.V., Chuchaev A.I. The Historical School of Law: Reflection of Ideas in Russian Criminal Law (Part One), *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 128-158. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_128

Школы уголовного права.

В российской уголовно-правовой доктрине, как правило, говорится о трех школах: классической, антропологической и социологической, имеющих внутри себя ряд модификаций¹. Ф.М. Решетников вычленяет из классической школы просветительно-гуманистическое направление, которое предшествовало ей по времени (Решетников 1965: 3-6). А.В. Наумов, соглашаясь с этим и включая просветительно-гуманистическое направление в перечень школ уголовного права, тем не менее подчеркивает, что в данном случае имеет место некоторая условность (см.: Наумов 2010). Просветительно-гуманистическое направление без всяких оговорок, но также со ссылкой на Ф.М. Решетникова упоминает Н.Е. Крылова (см.: Кузнецова, Тяжкова 1999: 563).

Ряд ученых выделяют психологическую школу уголовного права (см., напр.: Фельдштейн 2003: 380), относя к ней на раннем этапе существования

¹ Надо сказать, что уголовно-правовые идеи высказывались за много веков до формирования указанных школ. Например, они встречаются в творческом наследии Пифагора, Платона, Аристотеля и других мыслителей Древней Греции. Цицерон и Сенека были наиболее выдающимися теоретиками уголовного права Древнего Рима. Блаженный Августин представлял теологический подход к толкованию преступления и наказания. По объективным причинам их взгляды и взгляды других мыслителей Древнего мира и Средних веков не сложились в научные школы.

Х.Ю.Л. Штельцера², П.Д. Лодия³, В.К. Елпатьевского⁴, а к ее представителям более позднего времени С.В. Познышева⁵. Однако выделение психологической школы в качестве самостоятельного направления русской уголовно-правовой доктрины вызывает сомнения. Достаточно, например, сказать, что Штельцер тяготел к естественному праву, Лодий преимущественно занимался проблемами общего права, уголовному праву он посвятил лишь отдел «Об уголовной судебной власти» в работе «Теория общих прав» (С.-Петербург, 1828), в Санкт-Петербургском университете преподавал естественное право. Познышев свои взгляды характеризовал как «этико-социологическое направление» в уголовном праве. Он действительно обращался к проблемам психологии, но делал это применительно к криминологии при характеристике типов преступников (эндогенных и экзогенных)⁶.

В то же время, по нашему мнению, выделяемые направления в уголовном праве не охватывают весь спектр сложившихся на протяжении последних двух веков школ – вне этого перечня остается историческая школа русского уголовного права. Сама историческая школа права зародилась в Германии в первой половине XIX в., но, по утверждению Г.С. Фельдштейна, ссылающегося при этом на немецких авторов, на ее пути «всегда стояло известное несоответствие между очередными задачами уголовного законодательства и тем, что представляло собой его прошлое. Вполне естественно, однако, что эпохи, когда считалось почему бы то ни было целесообразным отодвинуть на задний план вопросы реформы в духе рационального изменения действующего законодательства, являлись временем, благоприятным для оживления изучения пережитых форм. С вполне определенными консервативными тенденциями в области регулирования нашего уголовного законодательства мы встречаемся в эпоху составления Свода [законов Российской Империи] и Уложения 1845 г. Необходимым последствием этих условий должно было явиться некоторое оживление в области исторического изучения права. Оно и действительно сказалось в форме стремления истолковать наши законодательные памятники с целью вскрыть особенности национального духа их постановлений. Начиная с сороковых годов, мы встречаемся со все новыми попытками привить у нас этот тип разработки права и воспользоваться теми результатами, к которым привели исследования в духе учений историче-

² См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... Ч. 2. Москва : Университет. Тип., 1855. С. 633.

³ См.: Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет своего существования: Ист. записка, сост. С. Григорьевым. Санкт-Петербург, 1870. С. 10.

⁴ См.: Там же. С. 53.

⁵ См.: (Андреев, Цыганков 2010: 573). Яркая характеристика Познышева как человека и ученого дана Б.С. Утевским, см.: (Утевский 1989: 285).

⁶ См.: Познышев С.В. Криминальная психология : Преступные типы. Ленинград : Гос. изд-во, 1926. 255 с.

ской школы в Германии, предпринятые в области славянского законодательства. В то же время историки наши вновь перерабатывают материал, создавшийся на почве более старых опытов исторического изучения, и не только не расстаются со старыми приемами, но и культивируют историческое изучение права с самых разнообразных новых точек зрения» (Фельдштейн 2003: 493).

Таким образом, есть все основания говорить о пяти основных школах уголовного права: 1) просветительно-гуманистической, 2) классической, 3) антропологической, 4) социологической и 5) исторической⁷.

Историческая школа: генезис, концептуальные основы, представители.

Возникновение исторической школы права в литературе связывают с именем Густава Гуго. Яркие ее представители Фридрих Карл фон Савиньи и Георг Фридрих Пухта говорили о нем как об ученом, чьи взгляды оказали существенное влияние на формирование этого направления в юриспруденции⁸.

Историческая школа, судя по имеющимся литературным источникам, возникла в результате научного спора, произошедшего в 1814 г. между профессором права Гейдельбергского университета Антоном Фридрихом Юстусом Тибо и ординарным профессором права Берлинского университета Савиньи. В немецкой юридической литературе эта полемика именуется кодификационной дискуссией.

Суть дискуссии сводилась к одной, казалось бы, сугубо утилитарной проблеме – кодификации гражданского законодательства германских земель, однако имевшей большое теоретическое значение как для кодификационного процесса в целом (независимо от отрасли права), так и для решения ряда других вопросов, возникающих при систематизации законодательных актов. Тибо ратовал за создание единого гражданского кодекса для всей Германии, отталкиваясь при этом от опыта Франции, где в это время уже действовал Кодекс Наполеона (1804). В статье «О необходимости общего гражданского права для Германии» он утверждал: «...наше гражданское право (под которым здесь я всегда буду понимать частное и уголовное право и процесс) требует полного и немедленного

⁷Изучение школ уголовного права является ключевым направлением разработки и совершенствования историографических подходов к науке уголовного права. Недостаточное внимание к проблематике историографических и философско-правовых исследований уголовного права сказывается на состоянии и характере данной области знаний и социальной практики. Предметное и конструктивно-критическое изучение историографии и соответствующих контекстов в области науки уголовного права показывает возможности существенного дополнения традиционных представлений о доктринальном содержании и понятийной структуре науки уголовного права, а также направления ее развития. Контуры современных историографических подходов заложены в работах: (Савенков 2023; Савенков 2024; Горбань 2024; Горбань, Маликов 2024).

⁸См.: Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии // Немецкая историческая школа права. Челябинск : Социум, 2010. С. 3-228.

изменения... немцы в своих гражданских отношениях не смогут быть счастливы, если все немецкие правительства, объединив свои усилия, не попытаются способствовать составлению и изданию одного Свода законов для всей Германии, освобожденного от произвола отдельных правительств.

К каждому законодательству можно и должно предъявлять два требования: чтобы оно было формально и материально полным, следовательно, чтобы его положения были сформулированы ясно, недвусмысленно и исчерпывающе, и чтобы его гражданские институты были организованы мудро и целесообразно, всецело согласно потребностям подданных» (Тибо 2011: 105).

Против этого резко выступил Савиньи, считавший любую кодификацию чуждой по своей сути праву германских народов, сложившемуся на протяжении длительного исторического периода путем передачи от поколения к поколению так называемой духовности, или, иначе, народного духа⁹.

Этот спор и признается отправной точкой в генезисе рассматриваемого направления в теории права (см.: Пашенцев, Чернявский 2016: 188).

Историческая школа получает известность после опубликования Савиньи небольшой по объему работы «О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции» (1814; при жизни автора работа дважды переиздавалась – в 1828 и 1840 гг.), по сути, явившейся ответом на инициативу Тибо о кодификации. Савиньи утверждает, что реализация этого предложения приведет к появлению законов, в которых «...не должно было бы содержаться никаких исторических особенностей, они в своей абстракции должны были бы быть одинаково применимы ко всем народам и во все времена. <...> ...Названные предложения связаны с общим мнением о возникновении всякого позитивного права, которое издавна было господствующим у преобладающего большинства немецких юристов. Согласно ему при нормальном положении дел всякое право возникает из законов, т.е. из прямых распоряжений высшей государственной власти. Предметом правоведения является исключительно содержание законов. Стало быть, само законодательство, а также юриспруденция обладают совершенно случайным и изменчивым содержанием, и весьма возможно, что завтрашнее право вообще не будет похоже на сегодняшнее» (Савиньи 2011: 130-131).

По мнению Савиньи, право органически связано с сущностью и характером народа и выдерживает испытание временем. Он его сравнивает с языком. Как и для последнего, для права не существует мгновений абсолютного покоя, оно находится в движении и развитии, подобно любому направлению развития народа, подчиняющемуся закону внутренней необходимости. Право формируется вместе с народом и умирает, как только народ утрачивает свое своеобразие. С повышением уровня культуры

⁹Там же.

и образования право приобретает научную составляющую; если ранее оно «жило» в сознании всего народа, то на определенном историческом отрезке оно начинает существовать в сознании юристов. Другими словами, бытие права становится более специфичным и сложным, поскольку право обретает двойное существование: с одной стороны, как часть жизни всего народа, с другой – как особая юридическая наука¹⁰.

Савиньи пишет: «...все право возникает таким способом, которому господствующее словоупотребление дает (не совсем подходящее) название Обычного права, что означает, что изначально оно порождается благодаря обычаю и народной вере, затем благодаря юриспруденции, стало быть, повсюду благодаря внутренним, незаметно действующим силам, а не вследствие произвола законодателя» (Савиньи 2011: 134).

Характеризуя собственно кодификацию, Савиньи подчеркивает, что она предполагает сведение воедино всего «совокупного запаса права» и его письменное изложение. Это означает, что с указанного момента составленный таким образом свод законов и будет считаться единственным источником права. Его содержание должно было бы быть двойным: отчасти состоять из уже существовавшего права и отчасти – из новых законов.

Свод законов, во-первых, благодаря внутреннему состоянию права должен обеспечивать наивысшую правовую уверенность в однообразном применении законов, хотя очевидно, что такая уверенность зависит от совершенства исполнения законов. Во-вторых, свод, как единственный источник права, не должен допускать пробелов в правовом регулировании; утверждения о том, что они могут быть восполнены, необоснованны, поскольку встречающиеся различия в судебных делах столь существенны, что все усилия по кодификации законодательства могут оказаться тщетными.

Савиньи считает поучительной историю римского права. Он подчеркивает, что, пока данное право находилось в живом развитии, потребность в своде законов не ощущалась¹¹.

¹⁰Юлиус фон Кирхманн утверждает: «Право нельзя представить без момента познания и момента чувства. Народ должен знать, что в каждом отдельном случае требует право. И народ с любовью должен быть предан своему праву. Если у права изъять указанные моменты познания и чувства, останется лишь большое произведение искусства, но это будет мертвое право, всякое право в нем будет отсутствовать».

То, как наука подходит к праву... делает неизбежным разрушение этих элементов. Народ утрачивает знание о своем праве и свою привязанность к нему. Оно становится исключительным достоянием особого сословия. Это вытекает из природы вещей и этому учит нас история. Тем самым право оказывается в противоречии само с собой. Право стремится познать предмет и одновременно оно его подавляет. Последствия такого противоречия неимоверны. Наука, лишившись своей естественной основы, легко уходит на путь софистики и непрактичных раздумий...» (Кирхманн 2022: 19).

¹¹ Кирхманн несколько иначе оценивал сущность и развитие римского права. Он писал: «Не каждые правовые образования, которые возникают одно за другим, следуют именно из предыдущего. Частное право начала римского государства было очевидным образом продуктом жесткого деспотизма, которое [это право] аристократия и жрецы использовали против народа. Застывшие формы и формулы

По утверждению Савиньи, «...свод законов своей новизной, своим родством с господствующими понятиями эпохи и своей внешней значимостью неизбежно... отвлечет от истинных источников права... их... будет недоставать именно духовным силам нации...» (Савиньи 2011: 139). Избежать этого можно только за счет исторического понимания природы права. Благодаря строгому историческому методу юриспруденции общее право и право конкретных стран становятся безупречными и действительно применимыми источниками. Сказанное не означает восхваления римского права или требования сохранения в действующем законодательстве какого-либо правового памятника в его неизменном виде – исторический метод юриспруденции нацелен на то, чтобы уяснить истоки любого правового установления и определить его органические принципы. Исторически изменчива не национальная основа права, а лишь его формы. Тот, кто стоит на исторической позиции, о праве судит глубже.

Историческая школа считает, что материал права дан всем прошлым нации. Разумная деятельность каждой эпохи должна быть направлена на его проверку, обновление и сохранение его «живым».

В работе «Система современного римского права» Савиньи вновь возвращается к проблеме народного духа как творца права. По его мнению, общее право является данностью во всяком текущем положении вещей, поэтому оно и признается позитивным правом. Позитивное право существует в общем сознании народа, поэтому его следует именовать народным правом. Таким образом, указанное право творит народный дух. Этот вывод не требует поиска каких-либо доказательств подобного возникновения и существования права. Несмотря на это, Савиньи приводит два доказательства в пользу данного вывода. Первое: чувство внутренней необходимости выражено в признании божественного происхождения права или законов. По мнению Савиньи, невозможно найти более убедительный довод против взглядов на право как явление, возникшее благодаря случайности или по воле человека. Второе: подобность особенностям права ряда других норм, например обычая жить в общении, и прежде всего языка народов, который не зависит от случайности и свободного выбора отдельно взятого человека. Другими словами, они также возникают из народного духа (см.: Савиньи 2011: 281-284).

По утверждению Савиньи, народный дух в своем развитии проходит четыре этапа: *младенчество*, характеризующееся зарождением права; *юность*, когда юристы выделяются в особую группу; *зрелость*, имеющая

сдерживали торговый оборот и реализацию прав; сокрыто было даже знание о днях, когда такие права были разрешены. Развитие частного права в республиканскую и имперскую эпохи не что иное, как последовательное освобождение права от этих оков. Противясь этому движению, римские юристы с упрямой дотошностью придерживались старых сковывающих институтов и использовали их в качестве основной формы для образований нового времени. Поэтому и возникла та раздвоенность, которая прошла сквозь всю систему римского права, то немыслимое противопоставление между застывшими формами и свободной подвижностью, между буквоедной строгостью и вольной справедливостью» (Кирхманн 2022: 12-13).

сложное право в связи с развитием политической и экономической жизни, культуры, формированием науки и правовой системы; и *старость*, определяемая умиранием народного духа, возникновением нового народа с новой правовой системой, отсутствием преемственности между разными народами.

Небезынтересна характеристика Савиньи как лектора. Так, ординарный профессор Московского университета М.П. Погодин в письме министру народного просвещения пишет из Германии (7 сентября 1836 г.): «Савиньи говорит как полный хозяин своего предмета; все слова как будто лежат в его карманах, и он отсчитывает их оттуда хладнокровно, ни больше, ни меньше, сколько надо; и если римское право называют рассудком писаным, то Савиньи можно назвать рассудком говорящим»¹².

Взгляды одного из наиболее последовательных сторонников исторической школы права Георга Фридриха Пухты, и в первую очередь его представление о народном духе как источнике права, во многом сформировались под влиянием современных ему философских учений, в частности концепции Шеллинга.

Определяя право, Пухта отмечает: «Право дано человеку от начала мира сего как одна из связей, соединяющих и определяющих земные отношения людей»¹³. Понятие о праве, по его утверждению, стало развиваться постепенно; исходную точку в истории права составляет возникновение народов. До этого времени человечество состояло из семейств, между которыми не было никакой юридической связи; в семейном быту чувство права заменялось чувством личной любви. Любовь противится чистому развитию юридического сознания. Только с появлением народа возникает и само право; история народа и есть история права.

Народы различаются между собой, поэтому право народов также различно. Пухта отмечает, что «различие прав может быть отчасти одновременное (между правами существующих народов), отчасти последовательное во времени. Уже у отдельного народа замечается это последовательное различие, право его переживает исторические периоды развития; такой же процесс развития права бывает и в человечестве, в котором каждый народ имеет свое особенное участие. <...> Право отдельного какого-либо народа не есть право, исключительно принадлежащее этой народной индивидуальности, оно таковым кажется, когда мы ограничиваемся одновременностью народов, в преемстве же народов оно одинаково принадлежит всему человечеству»¹⁴.

Развитие права предполагает его передачу «...от одного народа к другому, следующему за ним, отчасти инстинктивно, отчасти сознательно»¹⁵.

¹² Журнал Министерства народного просвещения. 1835. № IX. С. 546.

¹³ Пухта Г.Ф. Энциклопедия права / пер. с нем. Линденбратена; под ред. П. Карасевича. Ярославль : Тип. Г. Фальк, 1872. С. 15.

¹⁴ Там же. С. 20.

¹⁵ Там же.

С точки зрения Пухты, «бытие права, определяющего и регулирующего человеческие отношения, основывается на осознании людьми юридической свободы. Это осознание человек имеет от Бога, право есть божественный порядок, данный человеку и воспринятый его сознанием»¹⁶. Юридические положения рождаются в сознании человека, но каким путем они проникают в человеческое сознание? Отвечая на поставленный им же вопрос, Пухта пишет: «Здесь можно выдвинуть то же самое отличие, какое допускают для религии, ибо и самое право для людей, для которых не чуждо еще познание его происхождения, есть часть религии. Право достигает человеческого сознания частью сверхъестественным путем, путем откровения, – наши священные книги приписывают первоначальное выражение права Богу, – частью естественным путем, путем прирожденных человеческому духу чувства и потребности. Здесь мы имеем дело только с естественным возникновением права, где истинный Творец скрывается и право является творением человеческого духа и в дальнейшем своем развитии и образовании не только кажется, но и становится человеческим произведением»¹⁷.

В данных словах – квинтэссенция взглядов Пухты на правообразование. Общее сознание народа выступает источником права. Это общее сознание становится юридическим положением потому, что последнее признается таковым общим убеждением всех, для кого оно имеет значение. В этом случае право являет собой общую волю всего общества. Все «члены народа» соединены общим юридическим сознанием, как общим языком, общей религией (если она естественна), в один союз. Итак, как и у Савиньи, у Пухты народный дух является источником человеческого и естественного права, юридических убеждений.

Своеобразие юридических воззрений, так же как и язык, относится к характерным признакам различных национальностей. Если общность права признается духовной связью, поддерживающей народ, то самобытное развитие юридического сознания выступает одним из критериев, позволяющих отличать один народ от другого. Родство права и языковое родство сохраняется и в том случае, когда народ распадается на разные составляющие. Хотя последние будут развиваться отличающимся друг от друга образом, появляющиеся в праве особенности будут нивелироваться юридическими воззрениями, лежащими в его первооснове.

Одного осознания права недостаточно для его действительного бытия. Право по своей природе реально только тогда, когда жизненные отношения фактически, а не номинально регулируются его предписаниями. Сила, которая «выдвигает право, образует также и государство, без которого право имело бы неполное бытие, временное существование; без него общественная воля, которой обуславливается право, была бы более желанием, чем действительной, сильной волей»¹⁸. Это утверждение поднимает проблему

¹⁶ Там же. С. 21.

¹⁷ Там же. С. 22.

¹⁸ Пухта Г.Ф. Энциклопедия права. С. 24.

соотношения государства и права. С точки зрения Пухты, право создается впервые не государством, напротив, государство уже предполагает правовое сознание, право, в защите которого и состоит его главная задача. Начало права лежит вне государства, национальная воля есть воля народа не как составного элемента государства, а как естественного союза, составляющего фундамент последнего.

Пухта пишет: «Возникновение права из народного духа представляет собой невидимое явление. <...> ...Видимый элемент составляет только уже возникшее, т.е. право после того, как оно... стало действительным. При своем возникновении оно может принять троякий вид: 1) как непосредственное убеждение членов народа, проявляющееся в их действиях, 2) как закон и 3) как продукт научной дедукции. Органы, придающие праву этот его видимый образ, называются источниками права; к ним принадлежат непосредственное убеждение народа, законодательство и наука»¹⁹.

Таким образом, Пухта, в отличие от Савиньи, предпринимает попытки объективировать народный дух – он видит в нем некую силу, действующую в народном организме.

Кратко изложим суть концепции исторической школы права. Ключевым ее понятием выступает народный дух, представляющий собой, скорее всего, народное правосознание нации; он дан изначально и не способен к саморазвитию. Важнейшим источником права является обычай, поэтому кодификация законов – чуждое для права явление. Сторонники исторической школы права отстаивают сохранение прошлых порядков и отвергают преобразование существующих отношений с помощью нового законодательства, исходя из того, что право складывается исторически. Именно поэтому их идеи были своеобразным противопоставлением концепции естественного права (см.: Чернявский 2021). Критика умозрительных построений последней сыграла положительную роль в философско-правовых построениях исторической школы права.

Историческая школа идеологически и методологически выступила предтечей юридического позитивизма, обусловила переход к нему в начале XX в.

Следует заметить, что историческая школа не была однородной на всем протяжении своего существования. Примерно с начала 30-х гг. XIX в. сформировались две ее ветви: ветвь романистов (Г. Дернбург, Д. Голдшмидт и др.) и ветвь германистов (К. Ф. Эйхгорн, О. Гирке и др.).

Рудольф фон Иеринг высоко оценивал вклад Савиньи и его последователей в теорию права, и в частности в вопросы правообразования. Он считал, что разрабатываемое ими направление отражает реальную картину развития права в истории, которое возникло не вследствие рефлексии, а является изначально родившимся вместе с народом. Исходя из этого, «законодательство всегда означало для права только одно: оно должно было представлять или модифицировать право, но оно никогда не порождало его» (Иеринг 2011: 76). В работе «Историческая школа юристов» Иеринг так

¹⁹ Там же. С. 27-28.

характеризует основные идеи Савиньи: «Савиньи показал... влияние народной индивидуальности на право, а также то, как с течением времени ослабевает глубина изначальной связи права с народом, которая тем не менее никогда не исчезает, как каждый период, наряду с его своеобразием и свободой, все же разносторонне зависит от прошлого и как именно благодаря этому органически развивается право и т.д. Основополагающая идея Савиньи, содержащая суть доктринальной основы исторической школы права и заключающаяся в том, что право следует считать продуктом народного духа, а не творением свободной рефлексии, по утверждению Иеринга, являлась истиной, подготовленной предшествующим опытом (Иеринг 2011: 76).

Отто фон Гирке 3 августа 1903 г. в речи «Историческая школа права и германисты» на торжестве в память основателя Берлинского университета короля Фридриха Вильгельма III заметил, что историческое воззрение на правообразование на самом деле возникло до появления работ Савиньи и характеризовалось как течение в теории права, противостоящее естественно-правовому радикализму. «Сам Савиньи называет Юстуса Мёзера своим предшественником, а Густава Гуго – своим учителем. Он мог бы добавить еще несколько других имен. ...Иоганн Готфрид Гердер не только вдохнул идею развития в общее рассмотрение истории, но и подчинил новому принципиальному мнению именно право наряду с религией и языком и пророчески предвосхитил таким образом основные учения Савиньи, даже предпринял сравнение между правом и языком. Ведь вообще изменение правового воззрения было лишь частью процесса всеобщего изменения идей, который подточил величественное здание рационализма...» (Гирке 2011: 38-39).

Но благодаря Савиньи было сформулировано новое правовое воззрение, историческая школа стала организующей силой, определившей на долгие годы путь развития правовой доктрины Германии. «Таким образом, – делает вывод Гирке, – судьба немецкой юриспруденции заключалась в гениальной концепции Савиньи. Новое учение, сформулированное именно им, овладевало восприимчивыми умами. <...> Лишь благодаря ему историческое правовое воззрение приобрело непосредственное значение для живой современности, для научной работы по специальности и для повседневной практики» (Гирке 2011: 39-40).

Гирке подчеркивает «непреходящую внутреннюю сущность» учения исторической школы права. Он акцентирует внимание на научном значении следующих идей данного направления. Во-первых, показано, что право является историческим продуктом совместной жизни людей, его развитие и изменение – это часть процесса развития культуры. Во-вторых, обосновано, что научное осмысление права возможно только благодаря пониманию его истории. В-третьих, преодолено естественно-правовое представление права как права самого по себе, существующего для всякого народа и для всякого времени. В-четвертых, благодаря исторической школе идея развития проникла во все отрасли науки (см.: Гирке 2011: 40-41).

Историческая школа права в русской литературе второй половины XIX в.

Немецкая историческая школа права в целом оказала достаточно большое влияние на русскую юриспруденцию. Во-первых, преемственность современного права и права предшествующих эпох была положена в основу проведенной в России в XVIII–XIX вв. кодификации законодательства. Вероятно, под влиянием этого направления в праве Николай I поставил перед Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии задачу систематизации имевшихся законодательных актов, а не создания нового кодекса (см.: Чучаев 2024). Отказавшись воспринимать естественное право как универсальный и непреложный образец, русские юристы, в первую очередь криминалисты, стали склоняться к позиции представителей исторической школы права. Под ее влиянием у ученых проявился интерес к изучению памятников права, в университетах стала преподаваться история права. Она дала импульс развитию русской правовой культуры. В результате договоренностей М.М. Сперанского и Савиньи русские студенты стали проходить стажировку в европейских университетах.

Вместе с тем отношение российских ученых к исторической школе права было неоднозначным. Например, безусловным ее сторонником являлся А.А. Благовещенский, по мнению которого «Савиньи... доказал, что законодательство каждого народа не зависит от произвола законодателя, но образуется повсюду посредством внутренних, сокровенно действующих сил, именно сперва посредством обыкновения и верования народного, а потом посредством законоведения как органа общего сознания народа»²⁰.

Однако не все ученые столь безоговорочно приняли концепцию исторической школы права, ряд из них подвергли ее обстоятельному анализу, при этом теория общественного детерминизма рассматривалась ими как крайность. Пожалуй, одним из наиболее известных критиков исторической школы права был П.И. Новгородцев²¹.

Работа Новгородцева об исторической школе права начинается с характеристики доктрины естественного права. Объясняя это обстоятельство, автор пишет: «Дело в том, что философская сторона исторической школы всецело определяется отношением ее к доктрине естественного права. Сопоставление этих двух направлений казалось мне в данном случае лучшим приемом исследования, дающим возможность всего ближе подойти к познающему существу предмета»²².

²⁰ Благовещенский А. История и метод науки законоведения в XVIII веке так приводится в различных источниках // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. № VI. С. 397–398.

²¹ О характеристике взглядов П.И. Новгородцева см.: (Баскин Ю., Баскин Д. 1997).

²² Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. С. 3.

Представители исторической школы права отмечали два основных недостатка критикуемой ими концепции: во-первых, учение о произвольном установлении права; во-вторых, предположение о том, что можно найти систему норм, одинаково пригодных для всех времен и народов. Позже обращалось внимание еще на один момент: стремление школы естественного права придавать субъективным правовым идеалам непосредственное значение²³.

Исходя из того, что естественное право выступает системой принципов и норм, существующих от природы (помимо установления законодателя), а настоящим источником этих норм является внутреннее сознание отдельных лиц или общественных групп, Новгородцев определяет естественное право как совокупность идеальных (нравственных) представлений о праве²⁴. При этом он ссылается на Г. Гроция, утверждавшего, что «естественное право есть предписание *правового разума*, указывающее, что известному действию присуще нравственное *безобразие* или нравственная *необходимость* в зависимости от его согласия или несогласия с разумной и общежителной природой (человека) и что поэтому действие это запрещается или предписывается творцом природы – Богом»²⁵.

Новгородцев замечает: если вслед за школой Савиньи допустить, что право образуется произвольно, подобно природным процессам, то пришлось бы отрицать возможность нравственного воздействия на право; более того, если нормальное развитие права происходит под влиянием внутренних органических сил, то вмешательство человека в этот естественный процесс должно быть признано незаконным.

С самого начала своего существования право служит нравственным ограничением общественных сил, поскольку в нем заключено совместное подчинение их некоему высшему решению и принятие на себя известных обязанностей. Утверждение права в обществе знаменует собой установление такого порядка, при котором общественные отношения определяются не случайным перевесом одних сил над другими, а го-

²³ В современной литературе также подчеркивается, что представители исторической школы верно подметили одну из существенных слабостей естественно-правовой доктрины – умозрительную трактовку генезиса и бытия права (см., напр.: Нерсисянц 2004: 520).

²⁴ Задолго до Новгородцева В. Филимонов трактовал естественное право следующим образом: «Естественным какому-либо существу называется то, что необходимо служит сохранению сего существа и что способствует ему находиться и поддерживать себя в том состоянии, которое ему свойственно; а так как человек предопределен для общественной жизни; а никакое общество без закона неразрывной совзаимности существовать не может; то из сего следует, что сей закон необходим для человека и, следовательно, он есть для него *закон естественный*» (Филимонов В. Система естественного права. Санкт-Петербург : Императ. тип., 1811. С. 12-13). Общественная жизнь для человека, по мнению Филимонова, «...не есть следствие случая, но предопределенная необходимость, которая одна способна развивать моральный характер его и посредством оного отделять его от прочих творений» (Там же. С. 12).

²⁵ Цит. по: Новгородцев П.И. Историческая школа юристов... С. 7.

сподством общих норм, создающих твердую почву для регулирования спорных положений.

В целом соглашаясь с И.Ф. Гербартом, видевшим в праве «прекращение спора», Новгородцев указывает, что существо права не сводится к одному только «механическому восстановлению мира», а включает и нравственное удовлетворение спорящих сторон. «Успех действия права в жизни вообще обуславливается тем, насколько оно проникает в сознание членов общества и встречает в них нравственное сочувствие и поддержку»²⁶. Без этого право превращается или в мертвую букву, или в тяжкое бремя, возлагаемое против воли.

Анализируя концепцию Савиньи, Новгородцев в первую очередь обращает внимание на ее истоки, которые, по его мнению, лежат в области объективного исторического созерцания, присущего немецкой философии со времен Шеллинга. По Савиньи, исторический процесс совершается независимо от индивидуального произвола. Исходя из признания органического характера истории, он приходит к выводу, согласно которому отрицается всякое участие человеческой воли в историческом развитии. Этот вывод подкрепляется в доктрине учением о национальном сознании как источнике исторических проявлений народной жизни. В основе указанных проявлений лежит общее убеждение народа, одинаково присущее всем его членам. Новгородцев отмечает, что в этом случае в теории Савиньи положительное право уже в силу своего происхождения наделяется высшим моральным авторитетом. Если рационалистическая философия отрицает положительное право поскольку, оно является продуктом случая и произвола, то рассматриваемое учение находит нравственное оправдание уже в самих условиях его генезиса.

Указанные отправные концептуальные положения Савиньи побуждают Новгородцева подвергнуть обстоятельному анализу теорию органического развития права, роль законодательства и национальный характер права. В результате он приходит к следующему выводу: «...органическое развитие права... представляется Савиньи скорее желательной нормой, встречающейся при известном сочетании условий, чем необходимым историческим явлением, наблюдаемым повсюду. <...> В сочинениях Савиньи нетрудно найти... примеры того, как постоянно, при встрече с историческими фактами, он должен был отказываться от строгих начал органической теории. И случай, и произвол, и личное начало вообще – все эти понятия старой теории правообразования, с такой энергией отвергнутые первоначально, вновь получили доступ в новое учение, которое, вследствие этого, утратило свою цельность и последовательность. <...> Допуская возможность исторических аномалий, Савиньи невольно впадал в круг естественно-правовых понятий»²⁷.

Органическая теория отводила законодательству и всей юриспруденции пассивную роль созерцателя непроизвольного развития духа. Отсюда

²⁶ Новгородцев П.И. Историческая школа юристов... С. 11.

²⁷ Там же. С. 87–88.

вытекает требование о невмешательстве властей в этот процесс. На основе анализа ранних и более поздних высказываний Савиньи Новгородцев упрекает его в непоследовательности. Противопоставляя невидимо действующие правообразующие силы природы и сознательную личную деятельность, Савиньи, вопреки прежним собственным утверждениям, не исключает возможность признания приоритета последней, а следовательно, допускает необходимость личного вмешательства в естественное течение жизни.

По мнению Новгородцева, Савиньи не мог на основе учения о национальном характере правообразования прийти к отрицанию его общих начал. И это закономерно, поскольку особенные и отличительные черты известных явлений несколько не исключают общности их основы. Таким образом, он признает действие в истории общих начал образования права, но ограничивает его историей отдельных народов.

Характеризуя взгляды последователя Савиньи Пухты, Новгородцев пишет: «Воззрения исторической школы получили у Пухты дальнейшее развитие. Некоторые положения Савиньи были выражены его преемником с большей резкостью, но общие стремления школы остались у него все те же»²⁸. Вслед за своим учителем Пухта старался более рельефно показать так называемую изначальность определений обычного права, которое исследовал в монографии «*Das Gewohnheitsrecht*» («Обычное право», 1828), и органический характер их происхождения. Пухта называл обычное право прирожденным народу²⁹. Подобная характеристика способствовала положительному отношению к обычному праву и возвышала моральное значение исторической школы. Однако, как замечает Новгородцев, оставаясь в области общих рассуждений, можно было бы и не заметить недостатков концепции Пухты, в том числе уязвимости его позиции по поводу проявления в праве общенародного духа.

В книге «*Cursus der Institutionen*» («Курс институций», 1857) Пухта меняет ранее высказанную точку зрения; говоря о диссонансах в развитии права, допускает, что и сам народный дух подвержен «болезненным явлениям». Кстати сказать, именно в этой работе автор значительно отклоняется от исходных положений исторической школы права.

Обстоятельному анализу историческую школу права подверг С.А. Муромцев³⁰, причем его оценки существенно отличаются от оценок П.И. Новгородцева.

Работа Муромцева «Образование права по учениям немецкой юриспруденции» (1886), по сути, является исправленным и дополненным вторым

²⁸ Там же. С. 102.

²⁹ О народном праве см. также: *Боголепов Н.П.* Значение общенародного гражданского права (*jus gentium*) в римской классической юриспруденции. Москва : Тип. Грачева и Ко, 1876. 252 с.; *Сергеевич В.И.* Опыты исследования обычного права // Наблюдатель. 1882. № 1–2.

³⁰ О С.А. Муромцеве см.: (Зорькин 1979; Садовничий 2019; Томсинов 2007), а также: *Кизеветтер А.А.* Сергей Андреевич Муромцев (1850–1910), председатель Первой Государственной Думы. Москва : Тип. П.П. Рябушинского, 1913. 16 с.

отделом его книги «Очерки общей теории гражданского права» (Москва, 1877). Отмечая заслуги исторической школы как направления юриспруденции, Муромцев пишет: «Перенос в юриспруденцию идею законов раннего развития, она сделала возможным такой путь, при следовании которому надежда на будущее совмещалась с уважением к прошедшему. Все, совершенное юриспруденцией после толчка, сообщенного ей Савиньи, есть не более как дальнейшее развитие основных, руководивших им идей, и все протесты, которые неоднократно высказывались против исторической школы, были только протестами против формы, временно ей принятой, и в сущности заключали в себе дальнейшее развитие дела, начатого Савиньи»³¹.

Муромцев замечает, что идеи, высказанные Савиньи, были сформулированы еще до него философией истории (Вико, Шеллинг, Кант и др.). Говоря о проникновении мыслей Шеллинга в юриспруденцию, он приводит слова немецкого правоведа Пауля Иоганна Ансельма фон Фейербаха, который, в частности, писал: «Из права, действовавшего прежде, выросло право современное; и это последнее существует только потому, что старое, отжив свой век, родило новое. В глубине прошлых тысячелетий лежит зерно законодательства, которому мы теперь повинемся...»³². Заслуга Савиньи, по мнению Муромцева, состоит в том, что теоретические положения о закономерностях исторического развития права он сумел использовать для решения сугубо практического вопроса – кодификации законодательства.

Муромцев указывает, что Савиньи одновременно выступал как против рационализма естественной школы права, которая, не замечая в действительности устремлений к чему-либо хорошему, возлагала все надежды на мудрость законодателя, так и против практической юриспруденции, которая, ограничиваясь поверхностным взглядом на правовую жизнь, видела в законодателе единственный и конечный источник права. Муромцев подвергает Савиньи критике за то, что он не осуществил правильную научную реализацию своих основных идей, ничего не сделал для дальнейшего углубления и расширения положений исторической школы, не пытался сформулировать отдельные законы права. Настаивая на закономерности исторического развития права, Савиньи не продемонстрировал отдельных ее проявлений. «Следует сказать даже, – заключает Муромцев, – что он далеко не ясно определил смысл закономерного развития, или закона внутренней необходимости, и тем стал причастен... к образованию недоразумений, которые извратили позднее основное положение исторической школы»³³.

Кстати сказать, на указанные обстоятельства обращает внимание и В.И. Сергеевич. В частности, он ставит вопрос о том, что подразумевает

³¹ Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции // Немечкая историческая школа права. Челябинск : Социум, 2010. С. 231-232.

³² Цит. по: Там же. С. 233.

³³ Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. С. 232.

Савиньи под народным сознанием. По мнению Сергеевича, под ним, во-первых, можно понимать готовый фонд правовых идей, изначально заложенных в сознании народа. Право в этом случае является необходимым само для себя всякое заимствование чуждых основ права рассматривается как действие, прямо враждебное началу национального развития народа. Во-вторых, понятие «народное сознание» можно трактовать как сознание, сложившееся в силу всех тех разнообразных причин, под влиянием которых развивалась жизнь народа. В этом случае оно уже не будет являться основанием права. «Мы встречаемся у него [Савиньи], однако, с такими взглядами, – пишет Сергеевич, – которые дают основание допустить, что под необходимым правом он понимает... по крайней мере, только исторически необходимое. Допущение же первого из приведенных пониманий стоит в неразрешимом противоречии с теми его мыслями, которые высказаны им по поводу рецепции римского права немцами. Принятие немцами римского права, с точки зрения сторонников права развивающегося исключительно из духа народного, должно быть рассматриваемо как явление не нормальное и в высшей степени печальное, ибо оно положило конец самостоятельному развитию чисто немецкого права. Не так, однако, смотрит на рецепцию Савиньи. Жалобы на принятие римского права он называет пустыми и неосновательными потому, что они отправляются от предположения случайности и произвола в том, что не могло совершиться без внутренней необходимости»³⁴.

Эту «внутреннюю необходимость» принятия чужого права Савиньи видит, во-первых, в том, что весь процесс развития новых народов, в противоположность развитию древних народов, не отличается исключительно национальным характером. Новые народы заимствовали у древних не только право, но и свою образованность и даже религию. Во-вторых, если бы даже римское право не было принято, то и в этом случае немецкое право не могло развиваться самостоятельно, поскольку отсутствовали все те условия, которые благоприятно сказались на формировании гражданского права в Риме.

Основываясь на указанных разъяснениях Савиньи, Сергеевич высказывает предположение о сущности «закона внутренней необходимости», постулируемого исторической школой права: «Внутренне необходимо не только то, что развивается из духа народного, но и каждый совершившийся исторический факт, под влиянием каких бы условий он ни возник: всякое положительное право необходимо, ибо оно есть необходимое следствие своих исторических причин. Таким образом, Савиньи отправляется собственно не от национального права, покоящегося в народном сознании как изначала заложенная в него совокупность правовых начал, а от всякого исторического права как необходимого следствия данных исторических причин, каковы бы они ни были. Что дано историей, то хорошо и необходимо. Это данное право и должно быть выяснено в своих источниках и раз-

³⁴ Сергеевич В.И. Задача и метода государственных наук: очерки современной политической литературы. Москва : Тип. Грачева и Ко, 1871. С. 151.

вито во всех своих логических следствиях. Далее признания данного исторического права и его разработки историческая школа не идет»³⁵.

Савиньи формулирует лишь основные начала школы, намечает направление, по которому должно идти ее дальнейшее развитие, однако отсутствие определений введенных им понятий затрудняет разработку концептуальных положений исторического направления в теории права. Это, в частности, отразилось на взглядах Пухты, придавшего учению особый колорит.

Муромцев полагает, что последователь Савиньи, желая выявить формы образования права и их историческое соотношение, пришел к выводу, истинный смысл которого заключается в отрицании самого исторического процесса образования права. Более того, «теория Пухты была на самом деле отрицанием необходимости какой-либо теории. Он указал на существование нескольких форм, свойственных юридическим нормам; но он принял такое отношение между ними, которое подрывало совершенно их самостоятельное значение. Так, следуя Пухте, законодательство есть не более, как переписанное обычное право. То же говорит он об эдикте римских магистратов и сохраняет в известной степени тот же характер за трудами юриспруденции, утверждая, что она только перерабатывает обычное право. В свою очередь, обычное право есть не более, как непосредственное выражение народно-правового убеждения»³⁶.

Положив в основу объединения всех форм образования права один источник – обычное право, Пухта, по сути, аннулировал внешнюю историю каждой из них, лишил отдельно взятую форму особенностей ее возникновения и развития. Подобная же участь постигла так называемую внутреннюю историю права, воплощенного в народно-правовом убеждении. В утверждении Пухты, что последнее вырабатывается независимо от деятельности отдельных лиц, отразилась одна из идей философии истории Канта и Шеллинга, согласно которой действия человечества имеют правильный ход, не подверженный воздействию случая. Правда, у Пухты, в отличие, например, от Шеллинга (философ считал, что каждый порядок существует постольку, поскольку все думают одинаково и каждый осуществляет дарованное ему Божественное право содействовать торжеству справедливости), правовой порядок получает самобытное существование, а народно-правовое убеждение отличается от убеждения отдельных членов общества. Это утверждение согласуется с современной характеристикой системы, согласно которой ее свойства не сводятся к совокупности свойств входящих в нее элементов, но оно приводит к искаженному представлению о процессе образования права. «Этот процесс объективировался, – пишет Муромцев. – Образование права происходит как бы вне отдельных лиц, в недоступной им области олицетворенного народного духа. Народно-правовое убеждение не есть убеждение конкретного народа. Оно дано ему как бы извне,

³⁵ Там же. С. 152.

³⁶ Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. С. 235.

как существующее само для себя, самобытной силой, образуясь и развиваясь для людей, оно не создается ими. Таков смысл, если не буква выводов Пухты»³⁷.

Учение Пухты априорно. Взяв за основу «народное убеждение», Пухта придает ему своеобразный характер и логически выводит из него целый ряд аспектов учения, несколько не соотнося их с действительностью, что приводит, во-первых, к объективизации образования права и, во-вторых, исключает из процесса его формирования деятельность человека. В этом случае народное убеждение представляется как бы изначально готовым, вследствие чего источники права оказываются не формами его образования, а формами его выражения.

Последовательное развитие основных положений концепции Пухты ведет к признанию того, что истинное выражение права должно было существовать на первоначальных ступенях истории народа, когда действует во всей силе обычное право.

Муромцев приходит к выводу: частные понятия исторической школы, такие как «общенародное правовое убеждение», «народный дух», «правовой организм», «органическое развитие права», не наполнены конкретным содержанием и по большей части являются фигуральными выражениями одной и той же идеи. Опираясь на высказывание немецкого философа Морица Каррьера: «Было легко создавать действительность путем аналогий, вместо того чтобы исследовать ее тщательно и подробно»³⁸, Муромцев заключает: «Некоторым аналогиям историческая школа немало обязана... распространением своей основной идеи. Но они же внесли в юриспруденцию туман, который покрыл собой процесс образования права, в его деталях, и надолго скрыл их от исследователя»³⁹.

Исходя из названия статьи Н.И. Кареева⁴⁰ «Два взгляда на процесс правообразования» (1889)⁴¹, можно предположить, что она посвящена формированию права в целом, фактически же в ней осуществляется обстоятельный анализ исторической школы Савиньи. Оценки рассматриваемого направления в теории права, данные не юристом, а историком, представляют, на наш взгляд, особый интерес.

Статья была опубликована в период работы Кареева над книгой «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» (С.-Петербург, 1890)⁴² и является частью одной из ее глав. Приступая к исследованию, Кареев так определяет свою позицию: «...вопрос в том, как мы должны смотреть на исторический процесс вообще, должны ли видеть в нем безличную

³⁷ Там же. С. 236.

³⁸ Цит. по: Там же. С. 240.

³⁹ Там же.

⁴⁰ О Н.И. Карееве см.: (Долгова 2015).

⁴¹ Кареев Н.И. Два взгляда на процесс правообразования // Немецкая историческая школа права. Челябинск : Социум, 2010. С. 315-350.

⁴² В свою очередь, эта работа является третьей частью фундаментального труда ученого «Основные вопросы философии истории» (1883–1890).

эволюцию или процесс личного действия»⁴³. В доктрине исторической школы о правообразовании Кареев усматривает одно из частных применений к истории принципа безличной эволюции, тогда как в учении Р. фон Иеринга, представленном в его монографии «Борьба за право» (1872), он, наоборот, видит приложение к истории права идеи личного действия. Противопоставлением указанных точек зрения по вопросу о формировании и развитии права и объясняется выбор названия статьи.

Характеристику концепции исторической школы права Кареев начинает с анализа ее отличий от существовавшего до нее направления в доктрине права. И здесь он во многом опирается на выводы, содержащиеся в книге «Из курса лекций по русскому гражданскому праву» (1889) ординарного профессора Санкт-Петербургского университета Н.Л. Дювернуа, убежденного последователя немецкой исторической школы. Ко времени формирования исторической школы, указывает Дювернуа, сложилась концепция, идеи которой разделяли последователи естественного права, просто люди здравого смысла и, наконец, философы⁴⁴.

Представители *неисторической* школы (т.е. всех тех направлений в науке, которые не разделяют взгляды указанного учения) исходят из того, что каждая эпоха сама создает свое бытие, свой мир. Именно в связи с этим они обращаются к прошлому, поскольку оно может дать представление о том, как то или иное обстоятельство отражалось в жизни и сознании предков. При таком подходе история воспринимается как источник морально-политических максим. Вместе с тем Дювернуа подчеркивает, что опора на опыт прошлого для неисторической школы вовсе не обязательна и выступает лишь одним из вспомогательных средств. В отличие от данного направления представители *исторической* школы считают, что история не знает обособленного существования какого-либо народа – он должен рассматриваться как «часть некоторого высшего целого». «...Нам надлежит мыслить отдельного человека как члена семьи народа, государства; всякую эпоху в жизни народа – как продолжение и развитие предшествующих эпох, – резюмирует Дювернуа позицию исторической школы. – Иной взгляд – односторонность, ошибка, ошибка вредная... Раз это так, тогда всякая эпоха не приносит с собой произвольно и для себя весь свой мир. Тогда новое время должно признать нечто данное; это будет нечто необходимое, ибо оно не зависит от настоящего, и нечто свободное, ибо оно не исходит от произвола другого... Его источник лежит в высшей природе народа, как постоянно образующегося, постоянно развивающегося целого»⁴⁵.

По мнению Кареева, эта мысль о народе как постоянно развивающемся целом является революционной для исторической науки и имеет для нее весьма благотворное значение. Однако нужно иметь в виду, что высказанное положение нуждалось в дальнейшем развитии, наполнении содержанием,

⁴³ Кареев Н.И. Два взгляда на процесс правообразования. С. 318.

⁴⁴ Там же. С. 341-342. О концептуальных отличиях исторической и философской доктрины права см.: (Кресин 2016: 85).

⁴⁵ Цит. по: Кареев Н.И. Два взгляда на процесс правообразования. С. 319.

детальной конкретизации. Кареев указывает, что от этого «...зависело, насколько учение исторической школы о процессе правообразования соответствовало сущности дела и в подробностях»⁴⁶. Савиньи же наметил только общие контуры доктрины. По Савиньи, общее народное право является исконным, но его происхождение в трудах основоположника исторической школы не находит объяснения. Как и другие авторы, Кареев обращает внимание на то, что Савиньи не определяет используемые им понятия, хотя это имеет принципиальное значение не только для полного и точного уяснения сути его концепции о правообразовании, но и для дальнейшего развития исторической школы права в целом. Так, утверждая, что история права подчинена «закону внутренней необходимости», он не раскрывает суть последнего. Эта неопределенность в дальнейшем сказывается на восприятии и оценке как позиции Савиньи, так и его последователей; заложенный в их учении смысл в значительной мере остается скрытым от исследователя.

Шагом к более научному пониманию правообразования, с точки зрения Кареева, является признание того, что оно развивается вместе с народом.

В статье «Савиньи и его отношение к современной юриспруденции» (1863)⁴⁷, написанной ко второй годовщине со дня смерти Савиньи, Иосиф Иосифович (Осип Осипович) Кёниг⁴⁸ приводит краткую биографию основоположника исторической школы права и осуществляет критический разбор его научных трудов. Значительное внимание он уделяет анализу работы «О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции»⁴⁹, как уже отмечалось, содержащей в концентрированном виде первые представления Савиньи о происхождении и характере положительного права.

По утверждению Кёнига, последователи Савиньи обеднили его концепцию в первую очередь тем, что посчитали, что историческая школа исключает любые философские воззрения на происхождение и развитие права, хотя очевидно: поиск связи юридических установлений с духовными и материальными основами жизни народа априори вступает в область философии. Работа Савиньи «О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции» в определенной степени отражает позиции объективного идеализма. Более того, как полагает Кёниг, «...Савиньи... не только никогда не становился против философии в правоведении, но даже сам исходил от точно определенной философской системы, именно от объективного идеализма; он отвергал только ту псевдофилософию, которая весьма поверхностно и совсем неудачно применила к правоведению выводы Воль-

⁴⁶ Кареев Н.И. Два взгляда на процесс правообразования. С. 319.

⁴⁷ Кёниг И. Савиньи и его отношение к современной юриспруденции // Немечкая историческая школа права. Челябинск : Социум, 2010. С. 351-378.

⁴⁸ О Кёниге см.: Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / под ред. М.П. Чубинского, Д.И. Багалая. Харьков : Печатное дело, 1908. С. 173.

⁴⁹ В переводе Кёнига название этой работы звучит как «Задача нашего времени по отношению к законодательству и правоведению».

фовой системы (учение представителя естественно-правового направления в Германии Христиана фон Вольфа (1679–1754), основанное на принципах математики. – *Авт.*). Правда, он сам никогда не указывал на те метафизические начала, которые служили ему исходной точкой, но тем не менее мы легко можем воспроизвести и определить их с точностью. Сам Ганс (Эдуард Ганс (1797–1839) – немецкий юрист, представитель философского направления в праве. – *Авт.*), замечательнейший противник метода Савиньи, признает за ним философское основание, которое он, впрочем, находит ложным, потому что историческая школа, по его мнению, не допускает в истории ни настоящей свободы, ни разумной необходимости»⁵⁰.

Кёниг, оценивая критические замечания, высказанные в литературе по поводу так называемого внутреннего развития при характеристике истории права во втором отделе труда Савиньи «История римского права в Средние века», посвященном истории науки (с момента возникновения школы глоссаторов), замечает, что многие персоналии представлены в этом исследовании «...вне всякой связи с идеями, господствовавшими в их время, и без разъяснения того влияния, которое эти личности обнаружили на своих современников и на следующие за ними поколения»⁵¹. Вместе с тем Кёниг считает малообоснованными утверждения о том, что историческая школа, «унижала» безусловную идею, проявляющуюся в истории, тратя свое время и усилия на «мелочные изыскания». Напротив, юристы, историки и философы должны быть благодарны за исследование и кажущихся маловажными деталей, которые на самом деле позволяют глубже понять отдаленные эпохи и важные исторические события.

Кёниг отмечает, что философские взгляды Савиньи обусловлены тем философским мировоззрением, которое видит в истории мир, аналогичный миру природы. В его время под влиянием романтизма и естественной философии пробуждалось стремление возвратиться от отвлеченных рассуждений и космополитических тенденций к созерцанию реальных явлений в природе и истории. «...Шеллингова мысль, что и природа, и идеальный мир (история, государство) в сущности подлежат одним и тем же законам, встречается у Цицерона, искусного посредника между греческой философией и воззрениями римского народа, а также у некоторых замечательных римских юристов (Марциана, Ульпиана. – *Авт.*). Что же мудреного, что она привилась и к Савиньи, который весь был проникнут античным духом», – заключает Кёниг⁵².

Отвечая некоторым критикам Савиньи, согласно утверждениям которых он, не дав надлежащего разъяснения используемому им понятию «народный дух», при разработке системы римского права оказал услугу юристам лишь тех стран, где оно непосредственно может быть применено к действительности, Кёниг замечает, что формально они правы. Действительно,

⁵⁰ Кёниг И. Савиньи и его отношение к современной юриспруденции. С. 365-366.

⁵¹ Там же. С. 366.

⁵² Там же. С. 366-367.

основатель исторической школы права, во-первых, не дал разъяснений основных идей, выработанных римским народом и составляющих предмет истории цивилизации. Во-вторых, он не раскрыл сути заключающегося в римском законодательстве цивилизационного элемента, который состоит во владычестве индивидуальной воли, то есть свободы, которая, «...доходя... до последней крайности, приходит в столкновение с природой вещей и кончается материализмом и всеобщим застоєм»⁵³. В-третьих, Савиньи не показал, как отразился в жизни римского народа принцип владычества индивидуальной воли. «Но это и не входило в состав его задачи. Написать историю цивилизации с юридической точки зрения и написать сочинение для юридической техники не одно и то же... Савиньи, как бы вводя нас в мастерскую римских юристов, приучает нас к тому юридическому мышлению, которое всегда считалось и всегда будет считаться образцовым и классическим»⁵⁴.

В современной правовой и философской литературе целый ряд работ посвящен различным аспектам исторической школы права, сопоставлению ее доктрины с другими правовыми теориями. Среди публикаций советского периода выделяется курс лекций Е.А. Косминского, в котором значительное место отведено немецкой историографии конца XVIII – середины XIX в., в том числе исторической школе права (см.: Косминский 1963). В докторской диссертации Н.В. Акчуриной предпринята попытка выявить идейную общность исторических школ права в разных странах (Акчурина 2000); в кандидатской диссертации Т.И. Дьячек исследуются догматические аспекты учения Пухты (Дьячек 2009). Философии истории немецкой исторической школы права посвящена кандидатская диссертация Н.Е. Асламова (Асламов 2012). В ней впервые представлен анализ писем Пухты к Савиньи (письма переведены на русский), позволяющий не только показать отношение этих представителей исторической школы друг к другу, но и подтвердить близость воззрений Пухты к гегельянским (письмо от 17 августа 1829 г.), его интерес к системе Шеллинга, выявить причины разногласий с Э. Гансом (Асламов 2011).

Особый интерес представляет работа В.В. Эмих, в которой на основе сопоставительного анализа трудов Ганса, представителя философски ориентированной правовой науки, и Савиньи рассмотрены основные проблемы, подход к которым определяет сущность исторической и философской школ права⁵⁵: понимание права, роли нации в его формировании, сравнение в праве, отбор правового материала, место правовой науки в системе наук, роль римского права в познании права. «Учение о нации составляет магистральные линии взаимодействия Ганса и Савиньи», – пишет Эмих (Эмих 2015: 137). Но этим совпадение их взглядов, по сути, не исчерпывается; у концепций ученых есть много точек соприкосновения, но их творческое

⁵³ Там же. С. 369.

⁵⁴ Там же. С. 369-370.

⁵⁵ О соотношении идей естественной и исторической школ см.: (Чернявский 2021: 51).

наследие имеет разный эвристический потенциал для истории политико-правовой мысли. По Гансу, исходящему из философии права Гегеля, мировой дух выступает неограниченной судебной инстанцией, стоящей над нациями, нация же является носителем мирового духа; по Савиньи, право создается исключительно духом народа, правовой материал порождается сущностью нации и ее историей. Универсальная история Ганса противопоставлена историзму Савиньи. Ганс полагает, что сравнение необходимо для поиска истины, а Савиньи – для идентификации национальной традиции (см.: Эмих 2015).

Статья Эмих не только углубляет и конкретизирует представления об исторической школе права и ее модификациях, но и позволяет скорректировать некоторые оценки взглядов ее представителей, особенно относящихся к историко-философскому направлению уголовно-правовой доктрины.

Русская историческая школа уголовного права.

В России интерес к истории национального уголовного права стал активно проявляться в 40-е гг. XIX столетия, при этом следует отметить, что в XVIII в. правовые памятники прошлого изучались уложенными комиссиями. В отличие от своих немецких предшественников, российские криминалисты-историки не абсолютизировали результаты более ранних исследований, не ограничивались старыми приемами изучения законодательных актов, инициировали новые подходы в историческом познании уголовного права. В этом отношении показательны работы Н.Д. Иванишева «О плате за убийство в древнем русском и других славянских законодательствах в сравнении с германскою вирою» (Киев, 1840), А.Н. Попова «Русская Правда в отношении к уголовному праву» (Москва, 1841), Я.И. Баршева «О влиянии обычая, практики, законодательства и науки на развитие уголовного, в особенности русского, права» (С.-Петербург, 1846), А.М. Богдановского «Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого» (Москва, 1857).

Однако надо иметь в виду, что в России сама историческая школа не была однородной (вероятно, сказалось деление общей теории исторической школы права на две ветви). Отчетливо выделялись ее историко-догматическое, историко-философское и историко-сравнительное направления.

«Высота уровня научно-догматической разработки является в известной степени мерилем успехов науки уголовного права. <...> Даже если исключить из научной догмы изложение соображений, которые должны лечь в основание усовершенствования действующего права в смысле исследования путей, которыми они могут быть осуществлены, то и тогда научная догма не может не предполагать использования целого ряда разнообразных данных, соприкасающихся с преступлением и наказанием и их обуславливающих», – подчеркивал Г.С. Фельдштейн (Фельдштейн 2003: 500).

К середине XIX в. в русском праве сформировались две группы догматиков: практики и теоретики. К числу первых можно отнести П.А. Муллова,

служившего по судебному ведомству⁵⁶, К.К. Арсеньева, бывшего адвоката⁵⁷, и др. Среди теоретиков бесспорно выделялся В.Д. Спасович⁵⁸.

Яркими представителями историко-сравнительного направления являлись П.И. Дегай⁵⁹ и А.Д. Любавский⁶⁰. Следует заметить, что речь идет о собственно компаративистских исследованиях, задачей которых является выявление общего и особенного в изучаемых объектах, причины этих сходств и различий. Данная оговорка обусловлена, в частности, тем, что дореволюционные ученые при характеристике уголовно-правовых институтов почти всегда использовали в качестве иллюстрации зарубежное законодательство и доктрину.

Историко-философское направление в российской литературе представлено трудами Г.С. Гордеенко (в литературе он часто указывается как Гордеенков)⁶¹, Д.М. Семеновского⁶² и др.

Все три направления исторической школы русского уголовного права требуют самостоятельного исследования, что позволит не только выявить различия в доктринальных подходах к характеристике уголовно-правовых институтов, их зарождения и развития, но и установить вклад каждого из этих направлений в национальную правовую науку.

⁵⁶ См., напр.: *Муллов П.* Женщина как подсудимая и преступница по русскому законодательству // Журнал Министерства юстиции. 1861. Т. 7, кн. 3; *Он же.* Влияние ссылки на брак по русским законам // Журнал Министерства юстиции. 1861. Т. 8, кн. 5; *Он же.* Значение народных юридических обычаев // Журнал Министерства юстиции. 1862. Т. 1, кн. 1.

⁵⁷ См., напр.: *Арсеньев К.* О смягчении наказания несовершеннолетним, вовлеченным в преступление совершеннолетним // Журнал Министерства юстиции. 1861. Т. 8, кн. 3; *Он же.* О предумышленном и непредумышленном убийстве // Журнал Министерства юстиции. 1861. Т. 10, кн. 10.

⁵⁸ См., напр.: *Спасович В.Д.* Обзор перемен в законодательстве уголовном, начиная с нового издания Свода законов 1857 г. // Век. 1861. № 5; *Он же.* Учебник уголовного права. Т. 1. Санкт-Петербург : Тип. И. Огризко, 1863. 180 с.; *Он же.* Теория взлома // Спасович В.Д. За много лет, 1859–1871 : Статьи, отрывки, история, критика, полемика, судеб. речи и проч. Санкт-Петербург : Тип. Ф. Сушинского, 1872.

⁵⁹ См.: *Дегай П.* Взгляд на современное положение уголовного законодательства в Европе. Санкт-Петербург : Тип. К. Крайя, 1845. 101 с.

⁶⁰ См.: *Любавский А.Д.* О детоубийстве // Юридический вестник. 1863. Вып. 37.

⁶¹ См.: *Гордеенко Г.* Разбор основных начал науки уголовного права. Харьков : Унив. тип., 1832. 93 с.; *Он же.* В чем должно состоять ученое уголовное законоведение в России в настоящее время? Харьков : Унив. тип., 1838. 93 с. В ряде литературных источников Гордеенко без достаточных оснований относят к психологической школе уголовного права. Характеристику уголовно-правовых взглядов Г.С. Гордеенко см.: (Чучаев 2008).

⁶² См.: *Семеновский Д.* Речь о характере уголовного законодательства известнейших древних народов и отечественного русского. Москва : Б. и., 1845.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акчурина Н.В. 2000. Историческое направление в русском правоведении XIX века : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Саратов. 324 л.
- Андреев А.Ю., Цыганков Д.А. (сост.) 2010. Императорский Московский университет, 1755–1917: энцикл. словарь / авт. проекта, сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. Москва : РОССПЭН. 894 с.
- Асламов Н.Е. 2011. Письма Пухты к Ф.К. Савиньи как источник по немецкой философии права второй четверти XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. № 1. С. 66–68.
- Асламов Н.Е. 2012. Философия истории немецкой исторической школы права : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. Москва. 155 л.
- Баскин Ю.Я., Баскин Д.А. 1997. Павел Иванович Новгородцев : (Из истории рус. либерализма) / ред. Д.И. Луковская. Санкт-Петербург : Алмаз. 95 с.
- Гирке О. фон. 2011. Историческая школа права и германисты // Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. Москва : Статут. Т. 1. С. 36–72.
- Горбань В.С. 2024. Формирование современной историографической модели политико-правовых знаний // Государство и право. № 7. С. 64–78. DOI 10.31857/S1026945224070055
- Горбань В.С., Маликов С.В. 2024. Историографические и философско-правовые контексты в уголовном праве // Государство и право. № 9. С. 36–50. DOI 10.31857/S1026945224090035
- Долгова Е.А. (сост.) 2015. Ученый в эпоху перемен : Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. : исследование и материалы / авт.-сост. Е.А. Долгова. Москва : РОССПЭН. 511 с.
- Дьячек Т.И. 2009. Правовое учение Георга Фридриха Пухты: догматический аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Санкт-Петербург. 143 л.
- Зорькин В.Д. 1979. Муромцев. Москва : Юрид. лит. 127 с.
- Иеринг Р. фон. 2011. Историческая школа юристов // Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. Москва : Статут. Т. 1. С. 73–101.
- Кирхманн Ю. фон. 2022. О бесполезности юриспруденции как науки // Немецкие цивилисты о юриспруденции: Юлиус фон Кирхманн, Карл Ларенц / пер. с нем. и предисл. С.С. Трушниковой. Б. м. : Издат. решения. С. 8–24.
- Косминский Е.А. 1963. Историография средних веков. V в. – середина XIX в. : лекции. Москва : Изд-во Моск. ун-та. 430 с.
- Кресин А.В. 2016. Дискуссия исторической и историко-философской школ: вопрос о социальных и компаративных основаниях права и юридической науки // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 3. С. 85–102.
- Кузнецова И.М., Тяжкова И.М. (ред.) 1999. Курс уголовного права. В 5 т. Т. 1: Общая часть / Борзенков Г.Н., Комиссаров В.С., Крылова Н.Е. и др.; под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Москва : Зерцело-М. 611 с.
- Наумов А.В. 2010. Российское уголовное право : курс лекций. В 3 т. Т. 1: Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Волтерс Клувер. 710 с.
- Нерсисянц В.С. 2024. История политических и правовых учений : учебник. Москва : Норма. 704 с.
- Пашенцев Д.А., Чернявский А.Г. 2016. Формирование русской исторической школы права // Образование и право. № 2. С. 188–194.
- Решетников Ф.М. 1965. Уголовное право буржуазных стран. Вып. 1. Просветительно-гуманистическое направление в уголовном праве. Москва : Б. и. 69 с.
- Савенков А.Н. 2023. Философия права в России как идейно-теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность и перспективы // Государство и право. № 8. С. 7–23. DOI 10.31857/S102694520027259-5

Савенков А.Н. 2024. Философия права и становление российского государства-цивилизации. Москва : Наука. 739 с.

Савиньи Ф.К. фон. 2011. Система современного римского права. Т. 1 / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. Москва : Статут. 508 с.

Садовничий В.А. 2019. Сергей Андреевич Муромцев (1850–1910) // Садовничий В.А. О людях Московского университета. 3-е изд., доп. Москва : Изд-во Моск. ун-та. С. 68–88.

Тибо А.Ф.Ю. 2011. О необходимости общего гражданского права для Германии // Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. Москва : Статут. Т. 1. С. 102–127.

Томсинов В.А. 2007. Российские правоведы XVIII–XX веков : очерки жизни и творчества. В 2 т. Т. 2. Москва : Зерцало. 662 с.

Утевский Б.С. 1989. Воспоминания юриста: Из неопубликованного. Москва : Юрид. лит. 302 с.

Фельдштейн Г.С. 2003. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Москва : Зерцало. 523 с.

Чернявский А.Г. 2021. Историческая школа и естественное право // Вестник Академии права и управления. № 1(62). С. 51–59. DOI 10.47629/2074-9201_2021_1_51_59

Чучаев А.И. 2008. Методы науки уголовного права (диссертационное исследование Г.С. Гордеенкова) // Российский ежегодник уголовного права. № 2. С. 695–711.

Чучаев А.И. 2024. Разработка уголовного законодательства в XVIII – первой четверти XIX века: борьба за самобытность русского права // Государство и право. № 12. С. 172–185. DOI 10.31857/S1026945224120168

Эмих В.В. 2015. Ганс vs Савиньи: полемика между философской и исторической школами права // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения академии наук. Т. 15. Вып. 4. С. 137–153.

References

Akchurina N.V. *Istoricheskoe napravlenie v russkom pravovedenii XIX veka : dis. ... d-ra yurid. nauk : 12.00.01* [Historical trend in Russian Jurisprudence of the 19th century: Dissrtation], Saratov, 2000, 324 l. (in Russ.).

Andreev A.Yu., Tsygankov D.A. (comp.) *Imperatorskiy Moskovskiy universitet, 1755–1917: entsikl. slovar'* [Imperial Moscow University, 1755–1917: an Encyclopedic Dictionary], Moscow, ROSSPEN, 2010, 894 p. (in Russ.).

Aslamov N.E. *Filosofiya istorii nemetskoj istoricheskoy shkoly prava : dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.03* [Philosophy of history of the German Historical School of Law: Dissertation], Moscow, 2012, 155 l. (in Russ.).

Aslamov N.E. Letters From G.F. Puchta to F.K. Savigny as A Background Source Material on German Philosophy of Law in the 2nd Quarter of the 19th Century, *RUDN Journal of Philosophy*, 2011, no. 1, pp. 66–68. (in Russ.).

Baskin Yu.Ya., Baskin D.A. *Pavel Ivanovich Novgorodtsev : (Iz istorii rus. liberalizma)* [Pavel Ivanovich Novgorodtsev : (From the History of Russian Liberalism)], St. Petersburg, Almaz, 1997, 95 p. (in Russ.).

Chernyavsky A.G. Historical School and Natural Law, *Vestnik Akademii prava i upravleniya*, 2021, no. 1(62), pp. 51–59. https://doi.org/10.47629/2074-9201_2021_1_51_59 (in Russ.).

Chuchaev A.I. Development of Criminal Law Legislation in the XVIII – First Quarter of the XIX Century: The Struggle for the Identity of Russian Law, *State and Law*, 2024, no. 12, pp. 172–185. <https://doi.org/10.31857/S1026945224120168> (in Russ.).

Chuchayev A.I. Metody nauki ugovnogo prava (dissertatsionnoe issledovanie G.S. Gordeenkova) [Methods of the Science of Criminal Law (Dissertation Research by G.S. Gordeenkov)], *Rossiyskiy ezhegodnik ugovnogo prava*, 2008, no. 2, pp. 695–711. (in Russ.).

Dolgova E.A. (comp.) *Uchenyy v epokhu peremen : N.I. Kareev v 1914–1931 gg. : issledovanie i materialy* [A Scientist in an Era of Change : N.I. Kareev in 1914–1931 : Research and Materials], Moscow, ROSSPEN, 2015, 511 p. (in Russ.).

Dyachek T.I. *Pravovoe uchenie Georga Fridrikha Pukhty: dogmaticheskiy aspekt : dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.01* [The Legal Doctrine of Georg Friedrich Puchta: the Dogmatic Aspect: Dissertation], St. Petersburg, 2009, 143 l. (in Russ.).

Emikh V.V. Gans vs Savigny: Polemics Between Historical and Philosophical School of Jurisprudence, *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2015, vol. 15, iss. 4, pp. 137–153. (in Russ.).

Feldshteyn G.S. *Glavnye techeniya v istorii nauki ugovnogo prava v Rossii* [The Main Trends in the History of the Science of Criminal Law in Russia], Moscow, Zertsalo, 2003, 523 p. (in Russ.).

Gierke O. von. *Istoricheskaya shkola prava i germanisty* [Historical School of Law and Germanists], *Savin'i F.K. fon. Sistema sovremennogo rimskogo prava*, Moscow, Statut, 2011, vol. 1, pp. 36–72. (in Russ.).

Gorban V.S. Formation of a Modern Historiographical Model of Political and Legal Knowledge, *State and Law*, 2024, no. 7, pp. 64–78. <https://doi.org/10.31857/S1026945224070055> (in Russ.).

Gorban V.S., Malikov S.V. Historiographical and Philosophical Legal Contexts in Criminal Law, *State and Law*, 2024, no. 9, pp. 36–50. <https://doi.org/10.31857/S1026945224090035> (in Russ.).

Jhering R. von. Historical School of Law, *Savin'i F.K. fon. Sistema sovremennogo rimskogo prava*, Moscow, Statut, 2011, vol. 1, pp. 73–101. (in Russ.).

Kirchmann J. von. *O bespoleznosti yurisprudentsii kak nauki* [The Futility of Jurisprudence as a Science], *Trushnikov S.S. (Transl.) Nemetskie tsivilisty o yurisprudentsii: Yulius fon Kirkhmann, Karl Larents*, Izdatel'skie resheniya, 2022, pp. 8–24. (in Russ.).

Kosminsky E.A. *Istoriografiya srednikh vekov. V v. – seredina XIX v. : lektsii* [Historiography of the Middle Ages. V century – the middle of the XIX century : Lectures], Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1963, 430 p. (in Russ.).

Kresin O.V. Discussion of Historical and Historical-Philosophical Schools: The Questi on Social and Comparative Bases of Law and Legal Science, *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2016, no. 3, pp. 85–102. (in Russ.).

Kuznetsova I.M., Tyazhkova I.M. (Eds.) *Kurs ugovnogo prava. V 5 t. T. 1: Obshchaya chast'* [Criminal law Course. In 5 vols. Vol. 1: The General Part], Moscow, Zertselo-M, 1999, 611 p. (in Russ.).

Naumov A.V. *Rossiyskoe ugovnoe pravo : kurs lektsiy. V 3 t. T. 1: Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law : a Course of Lectures. In 3 vols. Vol. 1: The General Part], 4th, rev. and augm., Moscow, Volters Kluver, 2010, 710 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy : uchebnik* [History of Political and Legal Doctrines : Textbook], Moscow, Norma, 2024, 704 p. (in Russ.).

Pashentsev D.A., Chernyavsky A.G. *Formirovanie russkoy istoricheskoy shkoly prava* [Formation of the Russian Historical School of the Right], *Obrazovanie i parvo*, 2016, no. 2, pp. 188–194. (in Russ.).

Reshetnikov F.M. *Ugovnoe pravo burzhuaznykh stran. Vyp. 1. Prosvetitel'no-gumanisticheskoe napravlenie v ugovnom prave* [The Criminal Law of Bourgeois Countries. Issue 1. Educational and Humanistic Direction in Criminal Law], Moscow, 1965, 69 p. (in Russ.).

Sadovnichiy V.A. Sergey Andreevich Muromtsev (1850–1910), *Sadovnichiy V.A. O lyudyakh Moskovskogo universiteta*, 3rd, augm., Moscow, Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 2019, pp. 68–88. (in Russ.).

Savenkov A.N. *Filosofiya prava i stanovlenie rossiyskogo gosudarstva-tsvilizatsii* [The Philosophy of Law and the Formation of the Russian State-Civilization], Moscow, Nauka, 2024, 739 p. (in Russ.).

Savenkov A.N. The Philosophy of Law in Russia as the Ideological and Theoretical Basis of the National Legal Ideology: History, Modernity and Prospects, *State and Law*, 2023, no. 8, pp. 7–23. <https://doi.org/10.31857/S102694520027259-5> (in Russ.).

Savigny F.C. von. *System of the Modern Roman Law. Vol. 1*, Moscow, Statut, 2011, 508 p. (in Russ.).

Thibaut A.F.J. On the Necessity of a General Civil Law in Germany, *Savin'i F.K. fon. Sistema sovremennogo rimskogo prava*, Moscow, Statut, 2011, vol. 1, pp. 102–127. (in Russ.).

Tomsinov V.A. *Rossiyskie pravovedy XVIII–XX vekov : ocherki zhizni i tvorchestva. V 2 t. T. 2* [Russian Jurists of the XVIII–XX Centuries : Essays on Life and Work. In 2 vol. Vol. 2], Moscow, Zertsalo, 2007, 662 p. (in Russ.).

Utevsky B.S. *Vospominaniya yurista: Iz neopublikovannogo* [Memoirs of a Lawyer: From an Unpublished], Moscow, Yuridicheskaya literature, 1989, 302 p. (in Russ.).

Zorkin V.D. *Muromtsev*, Moscow, Yuridicheskaya literature, 1979, 127 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергей Владимирович Маликов

доктор юридических наук, заместитель директора по научной работе Института государства и права РАН; г. Москва, Россия; ORCID: 0000-0003-0892-2328; SPIN-код: 1466-7490; E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Александр Иванович Чучаев

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН; г. Москва, Россия; ORCID: 0000-0002-5144-052X; SPIN-код: 6778-1871; E-mail: moksha1@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Malikov

Doctor of Law, Deputy Director for Scientific Work of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia; ORCID: 0000-0003-0892-2328; SPIN-code: 1466-7490; E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Aleksandr I. Chuchaev

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia; ORCID: 0000-0002-5144-052X; SPIN-code: 6778-1871; E-mail: moksha1@rambler.ru